

Не в пользу России оказались и перемены в китайских верхах. Место умершего Ли Хунчжана на китайском олимпе занял Жун Лу. Он являлся членом Государственного совета и определял течение многих дел в Вай-ву-бу (Министерстве иностранных дел). Сам он занимал умеренную позицию, поддерживая чжилийского генерал-губернатора Юань Шикая, сторонника сближения с Японией. Однако возвышение Жун Лу длилось недолго: 29 марта (11 апреля) 1903 г. он умер, его место занял князь Цин, также выражавший прояпонские симпатии. Правда, для Юань Шикая настали не лучшие времена: в Пекине отложили инициированное им введение гербового сбора, императрица не утвердила ряд его мелких просьб²⁹⁷. Но в целом руководство Китая занимало всё более антирусскую позицию.

8.11. Маньчжурский вопрос в русско-китайских отношениях в 1902–1903 гг.

26 марта 1903 г. завершился первый этап вывода русских войск из Маньчжурии. За полгода до этого П.М. Лессар предупреждал: «Как неблагоприятно бы отразилось промедление в соблюдении нынешнего срока, так, напротив, трудно себе представить, какое прекрасное впечатление произведёт не только в Китае, но и в других странах точное выполнение в этом отношении соглашения от 26-го марта. Ему бы желательно придать характер рыцарского, благосклонного Китаю поступка»²⁹⁸. Однако Петербург и военные действовали с точностью до наоборот. В результате приближение 26 марта 1903 г. заметно накалило обстановку в Северном Китае. Многие были уверены, что Россия не выполнит своих обещаний и что она не собирается уходить из Маньчжурии. Из Пекина поступала информация, что российский посланник не только настаивал на заключении нового соглашения до начала второго этапа вывода русских войск, но и предлагал совместное управление Северным Китаем²⁹⁹. Циркулировал даже слух, что в Маньчжурии готовится восстание против русских. Конечно, это совпадало с ростом неприязни к соседу³⁰⁰. Усиливалось недовольство и в Японии. Причём действия Петербурга имели двойной негативный для него эффект: японцы, в обычной ситуации может быть и пропустили бы многое, сейчас же, из-за вызывающих действий России они в ответ лишь пристальнее присматривались к Маньчжурии, находя там всё больше своих ущемлённых интересов. Играли свою роль и участвовавшие жалобы маньчжур-

²⁹⁷ Там же. Д.5.

²⁹⁸ Телеграмма П.М. Лессара в МИД 22 июля 1902 г. // Там же. Д.255. Л.10.

²⁹⁹ «Japan Times». 1903. 15 февраля // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». III-й год издания. С 1 июля 1902 г. по 30 июня 1903 г. Владивосток, 1903. С.355–356.

³⁰⁰ В.Ф. Люба – в МИД 9 апреля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.252. Л.200–203.

ских властей. Мукденский цзянь-цзюнь Цзен Ци требовал твёрдой политики по отношению к России. Правители Поднебесной ещё боялись проводить открыто враждебный России курс, но среди них уже сложились две группировки. Если князь Цин и его сторонники занимали осторожную позицию, то клан Юань Шикая, не утративший влияния, требовал от императора твёрдости. Его поддерживало большинство губернаторов и генерал-губернаторов Китая. По мнению Д.Д. Покотилова, в начале 1903 г. «вторая враждебная нам партия одерживает, по-видимому, верх»³⁰¹. В мае 1903 г. Д.М. Позднеев сообщал, что за время отсутствия в Пекине П.М. Лессара (он страдал онкологическим заболеванием, дипломат даже ездил в Петербург на лечение), «китайцы резко изменили своё отношение к русским»: «постоянно обнаруживается резкий тон, неуступчивость и высокомерие»³⁰².

Вопрос о недопустимости вывода русских войск из Маньчжурии был поднят в начале 1903 г. (тоже – в связи с приближением промежуточной даты) военными и Е.И. Алексеевым. Главный начальник Квантунской области рассматривал эвакуацию войск из Северного Китая как огромную ошибку. Он был за присоединение Маньчжурии к России, но опасался высказывать это вслух. Адмирал пошёл на тактический ход: он настаивал на «продолжительной военной оккупации» провинций Китая, полагая, что это быстро создаст там хаос и сделает их аннексию Россией неизбежной³⁰³. Схожей точки зрения придерживался посланник в Токио Р.Р. Розен, считавший, что вывод русских войск ничего не даст, Петербург лишь потеряет вложенные туда огромные деньги. Поэтому над Северным Китаем следовало бы установить российский протекторат³⁰⁴. К аналогичному выводу, но с несколько иных позиций пришёл посланник в Пекине П.М. Лессар. Он полагал, что торговая деятельность иностранцев в Маньчжурии не угрожала бы русскому влиянию, если бы они не преследовали политических целей. Но, к его сожалению, именно так и происходило, поэтому «предупредить неблагоприятный для России результат возможно [было] лишь под условием полного присоединения Маньчжурии»³⁰⁵. Удивительнее всего, что эту точку зрения принял С.Ю. Витте («я в общем соображения Лессара разделяю»). Правда, министр финансов оговорился, что присоединение Маньчжурии вызовет новые значительные расходы³⁰⁶. То есть, относительно желаемого будущего Северного

³⁰¹ Д.Д. Покотиллов – А.И. Путилову 14 января 1903 г. // Там же. Л.167.

³⁰² Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 29 мая 1903 г. // Там же. Д.5. Л.87.

³⁰³ И.Н. Протасьев – А.И. Путилову 27 мая 1903 г. // Там же. Д.255. Л.188; Д.Д. Покотиллов – С.Ю. Витте 7 июня 1903 г. // Там же. Л.194.

³⁰⁴ Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 5 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.205–209.

³⁰⁵ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 11 июня 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.255. Л.199.

³⁰⁶ Резолюция С.Ю. Витте на письме В.Н. Ламздорфа 11 июня 1903 г. // Там же.

Китай можно заключить, что в российском руководстве сложился почти полный консенсус, выражаемый простой фразой: Маньчжурия должна стать нашей. Речь о «мирном завоевании» уже не шла – показательная эволюция политики Петербурга и лично министра финансов.

Сложнее дело обстояло с текущими действиями и возможностью быстрого осуществления этого желания. Немедленно объявить об аннексии боялись практически все, опасаясь в первую очередь протестов других держав, особенно Англии и Японии. Но, конечно, и выводить войска из Маньчжурии, по общему мнению, не следовало. В такой обстановке напрашивался ход: обусловить уход русских частей рядом гарантий. 13 марта 1903 г. Г.А. Плансон, дипломатический чиновник при наместнике, сообщил подготовленные им условия Китаю. Он требовал от Пекина безусловной неотчуждаемости возвращаемых территорий, оплаты санитарной организации в Инкоу, признания Русско-Китайского банка таможенным, сохранения в русских руках телеграфной линии Порт-Артур–Инкоу–Мукден, подтверждение уже полученных русскими концессий, добивался запрета открывать новые пункты для иностранной торговли без согласия России, приглашать иностранцев на административные должности в Северном Китае³⁰⁷. От идеи включить в условия предоставление лесной концессии на р. Ялу (предложение В.Н. Ламздорфа) чиновник отказался, объяснив своё решение тем, что это разоблачит её политический характер.

Условия Г.А. Плансона понравились министру иностранных дел, который высоко оценил их автора («Вот действительно толковый человек!»)³⁰⁸ и 28 марта доложил их Николаю II. Царь добавил к ним лишь пожелание А.Н. Куропаткина о Монголии. 5 апреля 1903 г. Россия в ноте Китаю изложила свои условия Пекину³⁰⁹. В отношении некоторых из них среди российского руководства существовал ряд разногласий. Е.И. Алексеев был категорически против открытия для иностранцев ряда пунктов в Маньчжурии³¹⁰. Он также

³⁰⁷ Две телеграммы Г.А. Плансона 13 марта 1903 г. // Там же. Л.85–87; Романов Б.А. Указ. соч. С.420.

³⁰⁸ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Вите 27 марта 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.255. Л.105.

³⁰⁹ Условия России вскоре попали в печать. «Shanghai Times» 5 мая 1903 г. опубликовала 7 из них: запрет на уступки в Маньчжурии иностранцам, для внешней торговли открыт лишь порт Нючжуан, иностранцы не могут участвовать в управлении Маньчжурией, русским передаётся заведование морской таможней в Нючжуане и право соорудить телеграф от Нючжуана до Пекина, наконец, сохранение всех привилегий Русско-Китайского банка и других русских учреждений (Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». III-й год издания. С 1 июля 1902 г. по 30 июня 1903 г. Владивосток, 1903. С.479). Эта статья оказалась почти дословным изложением российской ноты 5 апреля 1903 г.

³¹⁰ Е.И. Алексеев – П.М. Лессару 9 июня 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.174. Л.2.

предлагал добавить к русским условиям введение автономии в Цзиньчжоу и выдачу Пекином лесной концессии на р. Ялу³¹¹. В.Н. Ламздорф полагал необходимым допустить иностранную торговлю в Маньчжурии, уступив прежде всего, американцам. Это имело большое значение для русско-американских отношений по Китаю, так как при обсуждении американо-китайского соглашения о торговле Пекин сослался на то, что именно Россия препятствует включению в соглашение ряда пунктов в Маньчжурии – то есть, перевёл ответственность за это на Петербург³¹². Вообще наместник и отчасти министры недооценивали вопрос о свободе торговли. Ведь европейские представители в Пекине особенно не возражали против продолжения оккупации Северного Китая русскими войсками, лишь бы существовала свобода торговли³¹³. Вообще против дополнительных условий был С.Ю. Витте, полагавший, что это не поможет удержать за собой Маньчжурию. Для преодоления разногласий 13 апреля 1903 г. состоялось частное совещание нескольких министров (на нём присутствовали, в частности, С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф)³¹⁴.

Несмотря на уже сформулированные дополнительные условия Китаю, Николай II дал противоречивую установку: «Договор 26 марта должен быть выполнен, но без ущерба для охраны железной дороги и вообще нашего престижа и реальных экономических интересов в Маньчжурии», поручив реализовать её Е.И. Алексееву³¹⁵. Очевидно, что император не понимал: только исполнение договора могло сохранить престиж. Об интересах, точнее, бывших планах экспансии, следовало забыть: их невозможно было осуществить и при продолжении оккупации.

В ходе порт-артурских совещаний, состоявшихся 18–28 июня 1903 г., дополнительные требования к Китаю стали одним из главных предметов обсуждения. Перечень уже предъявленных Пекину 5 апреля 1903 г. новых условий участники только расширили. Всего совещание (под явным воздействием Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина – сторонников аннексии Маньчжурии) приняло 10 требований к Китаю. Наиболее существенными из них, по мнению В.Н. Ламздорфа, были: обязательство Китая не уступать иностранцам никакой части возвращаемой ему Маньчжурии; сохранение русских военных постов на р. Сунгари для охраны судоходства, а также на трассе Цицикар–

³¹¹ Е.И. Алексеев – П.М. Лессару 21 марта 1903 г. // Там же. Л.1в.

³¹² В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 3 июня 1903 г. // Там же. Д.133. Л.34.

³¹³ «Shanghai Mercury». 1903. 7 мая // Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». III-й год издания. С 1 июля 1902 г. по 30 июня 1903 г. Владивосток, 1903. С.478.

³¹⁴ Его факт упомянут в письме В.Н. Ламздорфа С.Ю. Витте 14 апреля 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.255. Л.121.

³¹⁵ Телеграмма Николая II Е.И. Алексееву 27 мая 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.123. Л.58–59.

Благовещенск; запрет на административные должности в Северном Китае для иностранцев; свобода от таможенного обложения товаров, провозимых по КВЖД. Очевидно, что список требований оказался слишком велик и содержал мелочные условия. А главное, порт-артурские совещания пошли против предыдущей политики России: вместо уступчивости – усиление требовательности и давления. Однако совещание трёх министров в Петербурге 1 августа 1903 г., рассматривая заключения порт-артурских совещаний, значительно сократило число русских условий (с 10 до 5). Е.И. Алексеев не принял позиции трёх министров, продолжая настаивать на жёстком поведении относительно Пекина. Он допускал возможным отказаться только от нескольких малозначительных условий (ст.4–5 – телеграфные линии и возмещение Китаем ущерба). Статьи 7 (о санитарном надзоре в Инкоу) и 8 (об охране русских предприятий) и «в особенности» ст.10 (преимущественные права русских в Маньчжурии на разработку ископаемых) наместник считал обязательными³¹⁶. Любопытно, что Е.И. Алексеев с самого начала увязывал маньчжурскую проблему и соглашение с Японией по Корее, полагая, что вывод войск лишь ослабит позиции России, так как будет трудно противостоять её домогательствам³¹⁷. Тем не менее, его позиция не одержала верх: в инструкциях, данных 19 августа 1903 г. П.М. Лессару, осталось всего пять пунктов. Ими стали запрет на отчуждение маньчжурской территории иностранцами, назначение их военными инструкторами, установление русских постов на р. Сунгари и на трассе Благовещенск–Цицикар и защита интересов КВЖД.

Но у России не имелось рычагов серьёзного давления на Китай, Пекин этим успешно пользовался. 25 августа 1903 г. правители Поднебесной учредили Министерство торговли, которое возглавил Цзай Чжен – сын князя Цина. В его ведение поступили все железнодорожные и горные концессии в стране. Чуть позже, 19 ноября 1903 г. появились новые правила строительства железных дорог в Китае, максимально ужесточившие контроль за участием иностранцев³¹⁸. По этому образцу 4 марта 1904 г. были также приняты горные правила, утверждавшие произвол в выдаче концессий. В конце 1903 г. маньчжурские власти (в частности, хэйлунцзянский цзянь-цзюнь Са Бао) уже требовали возврата китайцам старых приисков³¹⁹. Кроме того,

³¹⁶ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 23 августа 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.137. Л.194–195.

³¹⁷ Телеграмма Е.И. Алексеева 24 августа 1903 г. // Там же. Л.198.

³¹⁸ Новые железнодорожные правила Китая, утверждённые 19 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.502. Л.5–11. Показательно, что в них закреплялась английская ширина колеи (т.е., узкая), а за китайцами – не менее 30% акций дороги. Решение о строительстве магистрали принималось только в Пекине, исходя из её целесообразности (то есть, можно было отказать без объяснения причин).

³¹⁹ Телеграмма Н.М. Поппе Е.И. Алексееву 24 сентября 1903 г. // Там же. Д.501. Л.2.

если до 26 сентября 1903 г. Россия имела законное право присутствовать в Маньчжурии, а Китай не мог открыть её для иностранцев, то после истечения срока Петербург уже нарушал права других держав, которые имели все основания претендовать на соблюдение торговых договоров (этим воспользовались Англия и США)³²⁰. По мнению посланника России в Пекине, «какие бы ни были приняты решения в Петербурге, на месте они будут расстроены отчасти пассивным сопротивлением, отчасти – разными хитростями». П.М. Лессар также полагал, что требования Е.И. Алексеева «ни в коем случае не могли быть приняты китайцами»³²¹.

21 августа 1903 г. дипломат получил распоряжение из Петербурга приступить к переговорам с китайским руководством на основе условий, выработанных 1 августа на совещании трёх министров (то есть, точка зрения заместника была фактически проигнорирована). Переговорам также сильно вредили неважные отношения между П.М. Лессаром и Е.И. Алексеевым. В частных письмах посланник жаловался, что заместитель не считался ни с его мнениями, ни с его положением (требовал, например, от него добиваться в Пекине «торжественного акта» – т.е., чтобы Китай публично обещал исполнить условия России, что по мнению дипломата, было нереально), а также на то, что Г.А. Плансон непрофессионально ведёт дела³²². Помимо всего, заместитель, кажется, не учитывал, что П.М. Лессар в это время уже тяжело болел и с большим трудом исполнял свои повседневные обязанности, не говоря уж о таком сложном деле, как ведение переговоров по Маньчжурии, которое ему было просто не под силу. Тем не менее, Петербург почему-то пренебрёг этим обстоятельством. В официальной же корреспонденции посланник в Пекине слал в столицу чуть ли не победные реляции, убеждая начальство, что там крепнет понимание: руководству Поднебесной не получить международной поддержки в связи с Маньчжурией. Поэтому большое значение придаётся дате 26 сентября 1903 г. – сроку завершения эвакуации Маньчжурии. П.М. Лессар писал, что Китай готов пойти «на многие уступки», чтобы добиться завершения вывода русских войск, поэтому «в настоящее время есть надежда получить всё, что мы желаем, без потрясений». Правда, дипломат оговаривал, что требования по Маньчжурии следовало бы предъявлять частя-

³²⁰ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 26 августа 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.88–89.

³²¹ П.М. Лессар – В.С. Оболенскому 20 января 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.139. Л.3.

³²² В ответ заместитель обвинил П.М. Лессара в намерении предъявить Китаю требования «в решительной форме», предварительно заключив ряд частных соглашений, а он, Е.И. Алексеев, лишь добавил к этому идею «торжественного обещания» верховной пекинской власти (Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 11 декабря 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.145. Л.18–19).

ми, так как выдвижение их одним списком принимало «форму нового договора, отдающего России Маньчжурию». В этом он несомненно был прав. Но в целом П.М. Лессар явно дезинформировал руководство³²³. Его официальная переписка сильно контрастировала с частной, адресованной в том числе и крупным чиновникам, поэтому руководство МИД располагало возможностями понять, что происходит в Пекине на самом деле. Возможно, что некоторые выводы Петербург действительно сделал.

Ответ Пекина на ноты России относительно занятия сунгарийской и благовещенской линий, участия иностранцев в управлении Северным Китаем, а также относительно промышленных и горных предприятий был получен в середине сентября 1903 г. П.М. Лессар сообщал: «Это всё отказы, полные свойственного китайцам искажения фактов», резюмируя: «Китайцы уже совершенно не скрывают, что они не согласятся подписать новый торжественный договор». Несмотря на то, что устно князь Цин признал возможность Пекина принять некоторые русские условия, он в то же время заявил, что они могут стать предметом другого соглашения, но не нового договора. П.М. Лессар сделал из этого неутешительный вывод (наверное, справедливый), что продолжение русско-китайских переговоров бессмысленно³²⁴. Наместник, быстро убедившись в неуступчивости Срединной империи, предложил просто прервать дискуссию³²⁵. 12 сентября он телеграфировал об этом в Петербург³²⁶. 19 сентября 1903 г. Е.И. Алексеев дал соответствующее указание П.М. Лессару.

Однако будущее Маньчжурии продолжало волновать как Китай, так и Россию. В конце октября 1903 г. министром иностранных дел Поднебесной стал На Тун, сильно симпатизировавший японцам³²⁷. Тем не менее, Пекин старался придерживаться в общем взвешенной и осторожной позиции, опасаясь, что влияние России в Маньчжурии начнёт расти. Решение проблемы Маньчжурии он видел в исполнении международных договоров. Вдобавок внутри китайского руководства укрепился своеобразный «синдром ожидания»: большинство сановников, не видя ясных выходов, боялось вообще что-либо делать, опасаясь критики политических противников³²⁸. Наконец, в ноябре 1903 г. переговоры о Маньчжурии окончательно остановились, зайдя в тупик.

³²³ Телеграмма П.М. Лессара в МИД 28 июля 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.29–31.

³²⁴ Телеграмма П.М. Лессара в МИД 16 сентября 1903 г. (копия) // Там же. Л.103–104.

³²⁵ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 14 сентября 1903 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.2.

³²⁶ Телеграмма Е.И. Алексеева Николаю II 12 сентября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.41.

³²⁷ Д.М. Позднеев – С.Ю. Витте 23 октября 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.5. Л.121.

³²⁸ Д.М. Позднеев – Е.И. Алексееву 14 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.502. Л.1.

Одновременно, в начале ноября 1903 г. среди российского руководства вновь оживилась дискуссия о Маньчжурии. В.Н. Ламздорф, к которому начали возвращаться некоторые функции управления дальневосточными делами, поднял её как в связи с переговорами с Японией, так и отношениями России с другими державами. Е.И. Алексеев с трудом, но согласился открыть для иностранцев маньчжурские порты³²⁹, категорически не соглашаясь на поселения (селтементы). В общем же он был по-прежнему склонен продолжать оккупацию Маньчжурии, пытаясь свалить вину за это на Китай из-за его неуступчивости³³⁰. Ему возражал П.М. Лессар, который, хотя и разделял мысль о неизбежности присоединения Маньчжурии к России, но лишь в будущем. Пока же посланнику было очевидно, что для экономического развития Северного Китая необходим иностранный капитал, а так как у России больших денег на это не имелось, ничего не оставалось как допустить туда иностранцев³³¹. В целом П.М. Лессар, как можно понять из его суждений, скептически относился к заявлениям Англии и США относительно Маньчжурии, полагая, что Лондон ведёт себя очень осторожно, опасаясь военного конфликта. А Вашингтон, с точки зрения дипломата, интересовали только коммерческие права³³². Позицию Е.И. Алексеева относительно Маньчжурии (а также и переговоров с Японией по Корее) В.Н. Ламздорф использовал для того, чтобы убедить Николая II в ошибочности и недопустимости действий наместника. В частности, он утверждал, что существовало лишь два способа решения маньчжурского вопроса: либо присоединять территорию (на что, кажется, в российском руководстве не был готов никто, за исключением А.Н. Куропаткина, да и то только её северной части), либо продолжать переговоры в Пекине о китайских гарантиях в случае её возвращения (несмотря на слабое желание в руководстве Поднебесной). Министр иностранных дел принял сторону своего подчинённого: П.М. Лессар был уверен в конечном успехе переговоров в Пекине, но их прервал Е.И. Алексеев, безуспешно пытавшийся настоять на подписании торжественного акта³³³. То есть, В.Н. Ламздорф делал виновным в неудаче переговоров о дополнительных условиях эвакуации Маньчжурии

³²⁹ Из газет (!) Е.И. Алексеев узнал, что Китай согласился открыть для иностранцев Мукден и некоторые порты Маньчжурии и интересовался, нельзя ли заставить Пекин отложить исполнение этого решения (Е.И. Алексеев – П.М. Лессару 11 октября 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.118).

³³⁰ Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 8 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.145. Л.17.

³³¹ П.М. Лессар – Е.И. Алексееву 5 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.434. Л.8–12.

³³² Ответы П.М. Лессара на вопросы Г.А. Плансона 11 ноября 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.133. Л.179–182.

³³³ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 8 ноября 1903 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.761. Л.56 об. – 57.

Е.И. Алексеева. В целом, из положения дел в Пекине и Петербурге следует, что ситуация вокруг Маньчжурии окончательно зашла в тупик: стороны не проявляли желания идти на уступки друг другу

Тем не менее, в декабре 1903 г. контакты Пекина и Петербурга о Маньчжурии возобновились. Китайцев толкало к ним желание добиться вывода русских войск. После неудачи предыдущих переговоров на сей раз их вели совсем другие люди: К.И. Вогак встречался в Тяньцзине с чилийским генерал-губернатором Юань Шикаем³³⁴. В Петербурге в это время А.М. Абаза и А.М. Безобразов вынашивали свой, секретный план решения маньчжурской проблемы. Исходя из того, что Россия уже вложила в Маньчжурию огромные деньги и что прямо присоединить её нельзя, они решили, что надо овладеть территорией фактически. Для этого следовало установить бессрочную оккупацию Маньчжурии, при китайских чиновниках предполагалось иметь русских комиссаров, «без ведома которых китайцы не могут пикнуть». Кроме того, комиссарам передавались все права на выдачу концессий, не обращая внимания на мнение Пекина. Вдобавок предполагалась реорганизация управления русскими дальневосточными предприятиями: КВЖД и Русско-Китайский банк следовало изъять из ненадёжных рук Министерства финансов и переподчинить Особому комитету Дальнего Востока. Все промышленные предприятия и концессии предназначались к передаче в третье, вновь создаваемое общество (Маньчжурское горнопромышленное товарищество их явно не устраивало). В связи с предстоящей «экономической» деятельностью также предполагалось создать при Особом комитете Дальнего Востока специальную финансовую комиссию во главе с А.П. Игнатьевым (бывшим когда-то иркутским генерал-губернатором, но никогда не занимавшимся ни предпринимательством, ни финансами)³³⁵. Фактически это был план создания своей «империи» на Дальнем Востоке вместо виттевской. Надо ли говорить, что в конце 1903 г. такое решение выглядело совершенно нереально, а люди, выдвигавшие его, абсолютно некомпетентны и неспособны к серьёзной государственной деятельности.

Для России маньчжурская проблема оказалась решена лишь в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. История же ввода русских войск в Северный Китай и последовавший торг за условия их ухода оттуда показали как истинные цели Петербурга (полное господство России в Маньчжурии, что мало отличалось от прямой аннексии), так и то, что реализовать их оказалось

³³⁴ П.М. Лессар – в МИД 24 декабря 1903 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.94. Л.138–139.

³³⁵ А.М. Абаза – Е.И. Алексееву 30 декабря 1903 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.2865. Л.21–27.

невозможно из-за сопротивления держав. В ходе переговоров изменилась и суть требований к Китаю: вместо усиления экономических позиций России (с чего они начались) речь пошла об изменении статуса Маньчжурии в смысле превращения её в зарубежный для Китая край, находящийся на исключительном положении, под которым имелось в виду, прежде всего, русское военное управление³³⁶. В конечном итоге именно маньчжурская проблема наряду с Кореей проложила мостик к ухудшению англо-русских отношений, к англо-японскому соглашению и в конечном счёте – к войне. Для России же самым существенным оказалось то, что Петербург не сумел сформулировать реальных целей своей политики и способов их реализации в Маньчжурии. История несостоявшегося сепаратного соглашения показала глубокие различия в столичных верхах относительно Маньчжурии и невозможность достичь полного консенсуса между министрами по этому вопросу. Очевидно, что политику России в это время можно уже назвать кризисной и неудачной. Никаких надежд на её улучшение видно не было.

³³⁶ План урегулирования положения в Маньчжурии 24 апреля 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.100. Л.32.